

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Открыть рубрику «Наши мемуары» на полосе «Семья» мы попросили известного актера театра и кино Олега ТАБАКОВА.

— Олег Павлович! В своих интервью вы последовательно касаетесь одной и той же темы, о чем бы ни шла речь,— темы семьи.

— «Все мы родом из детства». Это, к сожалению, сказал не я. Но лучше, ей-богу, не ответишь...

У каждого из нас есть два родника, два источника. Наше собственное детство и детство нашей семьи. Из них мы черпаем потом целую жизнь. Самые главные принципы, самые яркие образы (в том числе и примеры для дотошных журналистов — а вас не обидел?) — все оттуда.

Вопрос лишь в том, как свое прошлое сохранить? — Дело, наверно, еще и в том, что его не так просто найти?..

— Как сказывала моя бабушка, род наш ведет свое начало от крестьянина Утина. Некогда богатый крестьянин Табаков взял его на вспомоществование. Ну а тот в свою очередь позаимствовал у «богатого» фамилию.

В каком колене было сие, не припомню. Только того же правила — кто не рискует, тот не выигрывает — любил придерживаться и дедушка. Будучи очень трудолюбивым, он сумел из простого крестьянина сделать мещанином средней руки.

Другой дед, с отцовской стороны, был мастер золотые руки: плотничал, слесарничал, столярничал. Любил — все сам. От начала до конца. Но и пил. В конце концов дальние родственники не за всякий твой недостаток отвечают и вольны выбирать сами: либо пей, либо дело разумеи.

Теперь пройдемся по бабушкам. Обе, имея лишь четыре класса образования, несли тяжелую миссию домохозяйек. Виртуозно!

— А были ли у ваших предков актерские способности?

— Может быть. Но родственники успешно их в себе подавали. Когда-то мама играла в гимназии Марину Мнишек. Однако вспоминать об этом не любила. Она, как и отец, работала врачом. А бабушка, (на этот раз другая) прекрасно пела русские народные песни, с привскликами, в стиле Руслановой. Великолепно рассказывала — в лицах... И она же больше всех молилась о том, чтобы меня не приняли в театральное училище.

Ну что ж... Первая часть мемуаров — родословная — в общем рассказана...

— Давайте тогда перейдем ко второй.

— Детство пришлось как раз на годы войны. Точнее, война прошла как раз по детству.

В голодные саратовские вечера бабушкины сказания о том, как жили-были прежде, самые реалистические ее описания казались фантастикой. Их хотелось слушать и слушать. В них было сытно, тепло, уютно.

Соревноваться с бабушкой могли только книги. Читать я научился рано — в четыре с половиной года. Поэтому читал сам. Запоем. Но так как детских книжек имелось всего шесть (среди них — «Пятнадцатилетний капитан» и «Дети капитана Гранта» Жюль Верна, «Рассказы о животных» Сэттона Томпсона), то круг, закончившись, тут же начинался заново. Это колесо казалось волшебным.

Игрушек не было. Все строилось на фантазии. К своему счастью, я скоро обнаружил, что могу развлекать себя сам — подражая разнообразным знакомым. «Жертвы» почти всегда угадывались. Не знаю, как им, но мне это доставляло огромную радость. А радость — огромный магнит. Думаю, что где-то здесь таится мое актерское начало.

Постепенно приохотился к театрам. В Саратове иногда приезжали великие артисты. Я плохо их видел с верхних балконов, зато кое-что слышал...

— В начале беседы вы упомянули о тех образах, что шли за вами из самого детства... Приведите, пожалуйста, какой-нибудь пример.

— Пожалуйста. Когда я играл официантку Клаву в спектакле «Всегда в продаже», я вспоминал саратовских мороженщиц. Одна из них, грандиозная дама спортивного типа, мне «пригодилась». Она была, что называется, «психолог». Отлично соображала, почему перед ней благоговейно желторотые пенцы с медными пятаками. На дне вафельных стаканчиков ею оставались специальные пустоты, хотя казалось, что стаканчик набит мороженым доверху. Но лизнешь разок... и растаяло снежное чудо... Я отомстил ей. За всех нас, недолживших!

Уроки семейной этики — самые тяжелые и многотрудные уроки в жизни. Самые остро запоминающиеся. Представьте: однажды, когда аппетит возобладал над духом, я... украл Пару сухарей из духовки. Меня разоблачили мои семейные же. Интересно, что

карой было молчание. Поступок этот никогда не обсуждался. Но стыд за него живет во мне до сих пор.

Не забываются и другие «неуды»... Дело было в 43-м, в эвакуогоспитале, где работала мама. Один из раненых решил занять меня в скетче. Я должен был произнести одну фразу один раз: «Папа, подари мне пистолет». Но я увлекся. И повторял ее беспрестанно, вызывая громкий смех и бурные аплодисменты. Только уже за кулисами я сообразил, как огорчил своего партнера в больничной пижаме. С тех пор стараюсь делать на сцене лишь то, что положено, помня о тех, кто рядом. К сожалению, не всегда получается.

— Олег Павлович, известно, что еще студентом вы были знакомы с семьей великого русского художника Валентина Александровича Серова. Что вы запомнили, общаясь с ними?

— У нас на курсе училась жена одного из внуков Валентина Александровича. Как-то мы были приглашены к ней на день рождения. Потом члены семьи пришли на курсовой спектакль. Все их контакты с нами налаживались непроизвольно, постепенно, полноценно, без притворства, без игры в «искреннюю заинтересованность» молодыми талантами.

Семья Серовых — удивительная семья... Именно тогда я понял, что такое быть интеллигентом.

Существовали ли в этой семье предания? Конечно. Меня особенно поразило одно, начала века. В тот день, когда Валентин Александрович Серов умер, он собирался рисовать, то есть должен был состояться очередной сеанс. Предупредить «модель» о трагической перемене обстоятельств взялся его сын Антон: «Папа очень извиняется, но прийти к вам сегодня не сможет», — произнес он в телефонную трубку. Запнулся и, помолчав, уточнил: «Он умер...» Вот какой высоты деликатность. И какого мужества...

Эта семья умела сохранить все лучшее, что было накоплено их родом. Элитарной спеси там не было и в помине. Превыше всего Серовы ценили доброжелательность в людях. К людям. У них царилла безбастонная система отношений. И в то же время хамство не могло проникнуть туда ни под каким предлогом, ни под какой фамилией.

В гостях у Серовых бывали знаменитейшие люди: Москвин, Рихтер... Но... Серовы не знали, что такое «выгодные товарищи». Им все были

нужны. Отношения устанавливались прочно, надолго. Моя мама, ничем не знаменитая, приезжала в гости к Серовым. Они приезжали в гости к маме. То были естественные связи между равными.

У Серовых подолгу жили самые разные люди, становясь как бы членами их семьи. Среди них — Елена Петровна Пестель, в будущем ученица Михаила Чехова, а потом актриса его студии. Женщина крутая, правдивая, много выстрадавшая на своем веку, но не утратившая при этом чувства юмора. С ее профессиональным существованием я связываю свой первый актерский успех.

На втором курсе нашей Школы-студии при МХАТе ставился гоголевский «Ревизор» под руководством моего любимого учителя В. Топоркова. Было приглашено немало гостей, в том числе Серовы. Я исполнил роль Хлестакова в сцене, которая происходит в гостинице. Собрал тогда целый букет похвал. Но слова Елены Петровны оказались самыми приятными и... дельными: ее советы касались интонационной окраски роли.

А спустя десяток лет, когда я вновь играл Хлестакова на сцене пражского «Чиногерни клуба» (в ансамбле чешских актеров разговаривал по-русски совершенно один), пражские газеты писали: Табаков, как некогда Моцарт (!) имеет полное право сказать: «Мои пражане меня понимают». Это был самый большой в моей жизни успех, заложенный давно, дорогими мне людьми.

Почему я вспомнил все это? Чем человек интеллигентнее, тем больше судеб и лиц он в себя вмещает. Я понял это, встречаясь с семьей Серовых.

Но такое собиранье, накопление лиц и судеб начинается у всякого прежде всего со своей семьи, с того благородного любопытства, которое и помогает человеку через других осознать самого себя.. Замечательно полезное дело — семейные мемуары. Надо бы и детей своих на это подвинуть...

Что такое человеческий характер как не длинный реестр человеческих качеств — бабушкиных, дедушкиных, родительских, дружеских?.. Что-то хочется вписать в него. Что-то — вычеркнуть. И вольно-невольно занимаешься этим всю жизнь.

Но прежде... Прежде этот список надо найти. А если нет — составить.

Беседу вела студентка 3-го курса факультета журналистики МГУ Нина ГРОМЫКО.